

В уголовно-правовой науке и в судебной практике толкование и применение признака «по предварительному сговору» основаны на общепринятом, но от того не менее ошибочном положении: сговор является предварительным, если он состоялся до начала выполнения объективной стороны состава преступления независимо от длительности промежутка времени между сговором и его реализацией.

Проблема состоит в том, что не предварительного сговора в природе не существует. Поэтому на первый план выдвигается не проясненная в законе проблема длительности периода, обозначаемого словами «предварительно» и «заранее».

Исходная посылка: соглашение о совершении преступления в соучастии всегда предваряет совершение преступления. Из этого следует единственно возможный вывод: сговор или соглашение соучастников о совершении преступления всегда является предварительным.

Совместное совершение преступных действий является целью объединения усилий соучастников. Цель – совместное совершение преступления – является системообразующим фактором, формирующим саму систему соучастия. Для того чтобы сформировать систему, данный фактор должен существовать еще до появления самой системы. Вряд ли необходимо специально доказывать более чем очевидное положение: цель всегда предшествует ее реализации, а потому сговор просто обречен всегда быть предварительным. Подобно тому, как совершению любого действия предшествует принятие решения о его совершении (речь идет, естественно, об осознанном поведении), совместному совершению действия должно предшествовать принятие решение о совместной деятельности.

Для прояснения ситуации полагаем уместным провести аналогию (исключительно с научной точки зрения) между делением сговора на предварительный и не предварительный и делением умысла на заранее обдуманый и внезапно возникший. Такое сравнение позволяет провести общая суть умысла и сговора: умысел характеризует преступное поведение одного лица, а сговор характеризует совместное преступное поведение нескольких лиц. Можно сказать, что сговор являет собой коллективный умысел на совершение преступления в соучастии.

Умысел, как и сговор, являет собой образ предстоящего к совершению преступления. Умысел, как и сговор, представляет собой осознанное решение совершить преступление. Умысел, как и сговор, всегда предшествует совершению преступления, т. е. всегда является предварительным.

С точки зрения психологии вполне понятно, почему никто не делит преступления на совершенные с предварительным умыслом и совершенные без предварительного умысла: «без предварительного умысла» означает вообще без умысла, не предварительного умысла не существует в природе. Невозможно себе представить ситуацию, когда бы уже совершалось покушение на преступление, а затем только у субъекта возникал умысел на совершение именно этого преступления.

Таким же должен быть и подход к делению сговора на предварительный и не предварительный. С содержательной точки зрения предварительный сговор должен соответствовать заранее обдуманному умыслу, а не предварительный сговор должен соответствовать внезапно возникшему умыслу.

Установление времени возникновения сговора, как и времени возникновения умысла, имеет смысл для определения степени общественной опасности преступления и его учинителей с целью дифференциации уголовной ответственности. В указанном значении предварительный сговор аналогичен заранее обдуманному умыслу – он выступает в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность. Как и при заранее обдуманном умысле, при предварительном сговоре производится предварительная подготовка преступления: осуществляется его планирование, определяются наилучшие способы достижения результата, способы сокрытия преступления и т. д. Все это в совокупности указывает на более высокий уровень социальной испорченности субъектов и на необходимость прибегнуть к более строгим мерам воздействия для их социальной реабилитации.

Однако выделение сговора исключительно по времени его осуществления, да еще в том виде, как это сделано сейчас, представляется не отражающим содержание обстоятельства в качестве отягчающего ответственность. Как нам видится, повышенную опасность представляет не просто предварительный сговор, повышенную опасность представляет высокая степень подготовленности и организованности группы, что существенно повышает эффективность ее деятельности и подчеркивает стойкость асоциальной установки соучастников. Вне этих качеств деяний и деятелей сговор в соучастии ничего не усиливает, поскольку он является одной из черт, в корне присущих самому соучастию независимо от каких бы то ни было его видов и форм.

С этой точки зрения предварительный сговор, достигнутый непосредственно перед выполнением объективной стороны состава преступления, хотя и называется в теории и на практике предварительным, не может по своему содержанию относиться к обстоятельствам, отягчающим ответственность, подобно тому, как не является отягчающим обстоятельством внезапно возникший умысел. Непосредственно перед выполнением объективной стороны преступления соучастники уже только в силу дефицита времени не в состоянии организовать, распределить и отрепетировать роли, тщательно проработать детали исполнения преступления, продумать способы ухода от ответственности и т. п.

Для отражения существенной характеристики сговора как отягчающего ответственность обстоятельства термин «предварительный» малопригоден, поскольку он указывает только на последовательность событий, но не конкретизирует даже длительность временного промежутка между ними.

Между тем значение имеет не сам по себе временной промежуток между соглашением или сговором и совершением преступления, значение в качестве критерия деления групп лиц на два вида имеет степень их организованности. Только в этом значении виды групп могут использоваться для дифференциации уголовной ответственности.

При таком подходе для дифференциации ответственности более чем достаточно простого указания на совершение преступления группой лиц в качестве квалифицирующего обстоятельства, а наличие или отсутствие предварительного сговора, равно как и степень организованности соучастников, могут быть учтены при назначении наказания.

УДК 343.35

О.И. Бахур

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Верное определение объекта преступления является важным как с теоретической, так и практической точки зрения, поскольку позволяет определить сущность преступления, его юридическую природу, правильно квалифицировать конкретное общественно опасное деяние, отграничивать смежные составы преступлений, и, в конечном итоге, определять границы действия уголовно-правовых норм.

Определение видового объекта преступлений, предусмотренных ст. 327–332 УК Республики Беларусь, как группы общественных отношений, обеспечивающих здоровье населения, является общепризнанным в литературе. Вместе с тем, отдельные авторы утверждают, что кроме здоровья граждан к объекту рассматриваемых преступлений необходимо отнести и отношения общественной безопасности, собственности. Однако необходимо учитывать, что объект преступлений, связанных с наркотиками, представляет собой комплексную систему, отношений, охраняющих здоровье населения. Похищение наркотиков хотя и причиняет ущерб отношениям собственности, но является лишь способом посягательства на здоровье населения, определяющим его особую общественную опасность, поэтому законодатель и формулирует отдельный состав преступления (ст. 327 УК Беларуси).

Точно так же при нарушении установленных правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами (ст. 330 УК) происходит причинение вреда порядку управления в области обращения с ними. Однако это обстоятельство не является основанием рассматривать порядок управления в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 330 УК Республики Беларусь. Без причинения вреда порядку управления виновный не может нарушить поставленные под защиту уголовного закона отношения в сфере охраны здоровья населения. Однако законодатель в первую очередь учитывает причинение вреда именно здоровью населения, выделяя его как специфический объект посягательства. Поэтому необоснованно говорить о порядке управления как о самостоятельном объекте преступлений, связанных с наркотическими средствами.

Вместе с тем общим объектом анализируемых преступлений являются не все общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, а только та их часть, которая обеспечивает безопасность здоровья населения от незаконного немедицинского потребления, возможного негативного воздействия наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В уголовно-правовой науке вопрос о непосредственном объекте преступлений, представляющих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, остается дискуссионным. Среди прочего указывается и на отношения, обеспечивающие здоровье граждан (Ю.А. Красиков), правильное, нормальное здоровье организма людей (В.И. Ткаченко), здоровье населения наряду с установленным порядком оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также с общественной безопасностью (П.Н. Сбирунов).

В связи с этим отметим, что принятый в 2012 г. закон № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» определил правовые основы государственной политики в сфере разрешенного оборота и в области противодействия незаконному обороту наркотических средств. На уровне законодательства регламентирован легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ, сформулированы принципы противодействия их нелегальному обороту. Терминология законодательства дополнена новыми терминами и понятиями (аналогинаркотических средств, психотропных веществ, их оборот). Закон прямо определил, что изготовление, производство, переработка и хранение аналогов запрещаются (ч. 3 ст.12).

Изготовление, приобретение, хранение, сбыт, перевозка наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, посев или выращивание растений или грибов, содержащих наркотические вещества, сами по себе не причиняют вреда здоровью ни конкретного гражданина, ни населения. Здоровью причиняется вред при употреблении наркотиков. При этом их потребление не является уголовно наказуемым и не входит в понятие незаконного оборота наркотиков. Незаконный оборот указанных средств и веществ является одним из условий немедицинского потребления их населением, но одного такого условия недостаточно, необходим еще ряд других (желание лица употребить наркотик, наличие материальных возможностей для его приобретения и др.).

Запрет оборота наркотиков направлен на лишение возможности употреблять наркотики без медицинских показаний и лишение возможности наживаться на этом. Оборот наркотиков, который не влечет их немедицинское потребление, государством допускается (например, разрешается использование наркотиков в медицинских, научных целях). Данный оборот регулируется законом «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», постановлениями Совмина Республики Беларусь, ведомственными нормативными актами.

Уголовно-правовая охрана здоровья населения применительно к анализируемой проблеме обеспечивается запретом свободного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (подобный свободный оборот несет угрозу причинения вреда здоровью неограниченного круга лиц). Очевидно, что общественные отношения, обеспечивающие законный оборот наркотических средств и психотропных веществ, являются частью общественных отношений, обеспечивающих здоровье населения, и соотносятся с ними как часть с целым.

Таким образом, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 327–332 УК Республики Беларусь, являются не все общественные отношения, охраняющие здоровье населения, а только те, которые связаны с обеспечением законного, безопасного для здоровья населения оборота наркотических средств и психотропных веществ.

УДК 343.2

Е.С. Бородулькина

УЧЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ИНОГО ТЯЖЕЛОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

В соответствии с ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь суд, принимая решение об освобождении от наказания лица, заболевшего после вынесения приговора иным тяжелым заболеванием, препятствующим отбыванию наказания, учитывает некоторые дополнительные по отношению к медицинскому критерию (т. е. наличие самого заболевания) обстоятельства – тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, характер заболевания и др. Также ч. 6 ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь содержит положение о том, что в представлении об освобождении от отбывания наказания вследствие иного тяжелого заболевания должны содержаться данные, характеризующие поведение осужденного во время отбывания наказания.

Сказанное позволяет утверждать, что для судьи, выносящего решение об освобождении от наказания заболевшего осужденного, учет названных критериев обязателен. Однако в научной литературе не прекращается оживленная дискуссия относительно необходимости такого учета.

Некоторые из юристов настаивают на том, что принятие во внимание судом дополнительных критериев противоречит самой сути данного вида освобождения от наказания, другие же приводят аргументы в пользу существующего подхода законодателя.